

МЕЖДУ НАМИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

NOVELA

18+

Novela

Между нами

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48786402

SelfPub; 2019

Аннотация

Когда Микаэлла получает роль своей мечты в новой танцевальной постановке, то и не догадывается, что с возможностью быть замеченной и прославиться приобретет нечто большее в лице хореографа-постановщика, обладающего непростой репутацией. Дэниел уже имел неудачный опыт в прошлом и пообещал себе, что больше не позволит чувствам взять верх, особенно если это касается прекрасной девушки из балета. До тех пор, пока их пути с Микаэлкой не пересекутся. И тогда встанет вопрос: что важнее – амбиции, слава и успех или любовь? Содержит нецензурную брань.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ДЭНИЕЛ	12
МИКА	14
ДЭНИЕЛ	19
МИКА	21
ГЛАВА ВТОРАЯ	25
ДЭНИЕЛ	36
МИКА	40
ДЭНИЕЛ	45
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	51
ДЭНИЕЛ	71
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	77
ДЭНИЕЛ	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МИКА

Черт! Черт! Черт!

Почему?! Ну почему именно сегодня мне нужно было опоздать? Почему это не случилось вчера или в любой другой день?

Я вылетела из подземки, перепрыгивая сразу через три ступеньки, рискуя свалиться и получить травму. Это могло бы надолго выбить меня из колеи, и тогда вообще никаких танцев, но именно в данный момент это пугало меня меньше, чем опоздать на первую встречу с главным хореографом-постановщиком.

Мне он был не знаком, но Джун слышала о нем жуткие вещи:

«Он монстр и он уничтожит тебя, если ты сделаешь что-то, что ему не понравится. О, а так же он гений и работать с ним настоящая удача».

Это и пугало и обнадеживало. Для меня это был огромный шанс, который я никак не могла упустить. После шести лет в Лондоне, бесконечных прослушиваний и случайных эпизодических ролей, меня взяли на ведущую роль в новой много бюджетной постановке в театре Аполло. Мой агент Клара

едва не писалась кипятком от счастья, когда это случилось.

«Ты попала в высшую лигу, куколка. Это охренительно сложно, а вот вылететь легче простого, поэтому смотри, не допусти этого».

Я поклялась себе, что если надо, буду зубами держаться, но не потеряю место в постановке. И так облажаться в первый же день!

Я была вся взмокшая, запыхавшаяся и красная, когда вбежала в двери театра. Оставалось преодолеть три лестничных пролета, переодеться (желательно на ходу) и я на месте.

С опозданием в полчаса.

Под ложечкой неприятно заныло. Я решила, что если меня спросят, скажу правду. Что жить мне приходится в старой, давно не видевшей ремонта квартиры, и именно сегодня труба в моей ванной надумала прорвать. Мне пришлось вызвать сантехника и ждать, когда он все починит, потому что моему хозяину насрать на все и такие вопросы я вынуждена решать сама.

А вот над формулировкой я еще подумаю.

Как я и ожидала, все, кроме меня, естественно, были уже на месте. Когда я появилась в зале, выскочив на сцену во всей своей «красе», все головы повернулись в мою сторону. Я отыскала взглядом Джун, пытаюсь по ее выражению выяснить, насколько все плохо. Если я правильно расценила ее вытарщенные на меня глаза – я была в заднице.

– Мисс Новак, наконец-то вы почтили нас своим присутствием, – язвительно прогундосил мистер Литлок, режиссер, своим внешним видом напоминающий крота: невысокий, толстый и ни черта не видящий без очков.

Джун сообщила, будто поговаривали, что он любит потрачивать актрис, и те не могут отказать, если не желают потерять роль.

Мне не нравилось, как этот похотливый зверек поглядывал в мою сторону. При мысли, что эти короткие, толстые ручонки коснулись меня, к горлу подкатывала тошнота.

– Простите за задержку, мистер Литлок, я... – Я втянула воздуха поглубже и проглотила дальнейшие оправдания, встретившись взглядом с человеком, который стоял по правую руку от режиссера. Не сложно было догадаться, что это и есть наш хореограф, которого так красочно описывала Джун. И надо сказать, что он действительно пугал. Мне тут же захотелось попятиться назад и сбежать.

Во взгляде Дэниела Райерса не было ничего, что дало бы мне надежду, что опоздание сойдет мне с рук. Более того, я вдруг подумала, что только что невольно нажила себе врага. Серые глаза были холодными, как сталь и неподвижными. Он просто смотрел на меня в упор, порождая на моей коже тысячи неприятных ощущений.

«Он меня специально запугивает, что ли?» – промелькнула паническая мысль.

Если так, ему это с блеском удавалось.

– Повторю еще раз для мисс Новак, – без единой эмоции, тени смягчения на лице, нарушил тишину голос нашего постановщика. Некое необъяснимое волнение образовалось в груди и рухнуло вниз от этого звука – в отличие от внешней жесткости и неприветливости хозяина, он обладал удивительной пластичностью, может быть даже бархатистостью, хотя и казалось абсурдом употреблять данное определение в контексте с этим человеком. – Если вы работаете со мной, опоздания недопустимы. Даже за задержки в пять минут полагаются штрафы. Это понятно, мисс Новак?

Он сделал несколько шагов в моем направлении, и хотя они лишь немного приблизили его ко мне, меня охватила тревога. Желание сбежать вернулось с новой силой.

– Да, мистер...

– Райерс.

Я и так это знала, но кивнула чуть ли не с благодарностью. Этот человек на самом деле подавлял.

– Понятно, мистер Райерс.

– Когда вы приходите в этот зал, все вне его перестает существовать, – продолжил он, теперь уже обращаясь ко всем.

Наконец-то он отвел от меня свои светло-серые глаза, и я почувствовала облегчение. Меня будто с крючка сняли.

– Здесь у вас нет личной жизни, нет ничего важнее танца. На этой сцене вы – это ваши герои, вы должны жить ими. Меня не волнуют ваши проблемы, почему вы опаздываете, – тут его взгляд вновь обратился ко мне, – ваше плохое само-

чувствие или настроение. Если вы не можете выйти сюда, – он опустил указательный палец вниз, показывая на сцену, и я невольно обратила внимание на его руки, – и выложиться на полный максимум, не выходите лучше вообще. Я не приемлю полумер, никаких поблажек и снисхождения. С каждого из вас я спрошу сполна.

«Да он самый настоящий тиран», – про себя подумала я, но благоразумно промолчала.

Довольно, хватит на сегодня привлекать к себе внимание. – Если кто-то из вас не уверен, что выдержит, лучше уйти сейчас.

С этой фразой его глаза снова скользнули по мне. И это меня возмутило.

Что за хрень?! Стоило опоздать один раз (по вполне уважительной причине), как он записал меня в последние неудачницы?

«Не дожدهшься! Никуда я не уйду!» – послала ему мысленно воинственный ответ я, расправив плечи.

Слишком долго я ждала этой возможности, чтобы сейчас отступить.

– Он такой охренительно крутой! – в истинно театральной манере закатила глаза Джун, когда вечером мы сидели на нашей маленькой, уютной мансарде – только ради нее стоило терпеть крошечную, неудобную квартиру, которую мы делили вместе вот уже три года.

– Он придурок, Джун, – фыркнула я, с блаженством от хлебнув уже от второй «Маргариты». – Напыщенный, самоуверенный придурок.

– Последняя постановка этого «придурка» получила «Тони», – не забыла напомнить подруга.

– Да, это впечатляет, но не отменяет того, что он козел.

– Ты просто злишься, потому что он отчитал тебя, – пряча наглую улыбочку за бокалом, пропела она.

– Испортить отношения с постановщиком в первый же день – только мне могло так повезти. – Я откинула голову на спинку плетеного шезлонга, подтянув колени повыше.

– Да ладно, он уже, наверное, и забыл об этом, – отмахнулась Джун.

Я с сомнением покосилась на нее: может она и права, может, я зря себя накручиваю, а Дэниел Райерс и думать забыл о некой Микаэлле Новак, опоздавшей на его репетицию. Или же он запомнил меня слишком хорошо и теперь у меня могут возникнуть проблемы.

Оба варианта мне не нравились.

– Признай, что он отпадный, – настаивала Джун.

Я пожала плечами.

– Если тебе нравится такой тип.

– Какой? Тип, от которого трусики становятся мокрыми? – засмеялась она.

Я тоже не сдержала улыбку.

– Жесткий. Он будто весь из острых углов сделан – дотро-

нешься и обязательно поранишься. И лицо у него неприветливое.

– Согласна, на душку он не похож, но, по-моему, в этом и соль. Такой точно знает, как сделать девушке приятно.

Теперь глаза закатила я

– Ох уж эти твои фантазии! Может он девушками вообще не интересуется.

– По-твоему он на гея похож? – усомнилась Джун.

– Не очень, – согласилась я, – но он танцор – процент вероятности очень высок.

Нахмурившись, Джун ненадолго задумалась. Потом, видимо придя к какому-то выводу, фыркнула:

– Ну, нет! Ни за что в это не поверю. От него так и прет... сексом, животным магнетизмом!

Я уставилась на нее как на сумасшедшую: мы точно одно-го и того же мужчину обсуждаем?

Дэниел Райерс скорее всего обладал неким силовым полем, которое отталкивало всех. Оно было таким ощутимым, что даже желания приближаться не возникало.

– Тебе лучше оставить подобные измышления о нашем хореографе и сосредоточиться на постановке. Помнишь, что он сказал?

Я серьезно восприняла слова Дэниела и не собиралась ничему и никому встать между мной и ролью. Нельзя допустить, чтобы я каким-то образом потеряла ее.

– Интересно, вне театра он такой же... суровый и твер-

дый? – будто и не слыша меня, томно вздохнула Джун. Я узнала этот тон – в ее голове уже родилась идея, которая могла стоять ей проблем. А заодно и мне.

– Прекрати это. Плохая идея, Джун, о чем бы ты сейчас не думала.

Я поднялась и, подхватив пустой кувшин из-под «Маргариты», вошла в квартиру.

Она только рассмеялась мне вслед.

ДЭНИЕЛ

– Ты ошибаешься.

Сиенна повторила это раз в пятый за последние двадцать минут. Но в глубине души она знала не хуже меня, что я как раз прав.

– Отцу плевать, буду я на его юбилее, или нет. Хотя мое отсутствие его, скорее всего только обрадует, – сухим тоном произнес я в трубку.

Сестра издала длинный, утомленный вздох. Она много лет была буфером между мной и отцом, пытаюсь нас примирить и сблизить. Всякий раз безуспешно. Пора было смириться с этим. Я давно принял, что мы с отцом чужие люди. Это больше даже не задевало.

– Ты его давно не видел, он изменился.

Я хмыкнул. Она и сама не верила в то, что говорила – я слышал это в ее голосе.

Это невозможно. Люди как мой отец не меняются. Я это знаю, потому что и сам такой. Ирония, но при всей нашей непримиримости мы одинаковые. Поэтому наша молчаливая вражда никогда не закончится – никто не захочет уступить и признать, что был не прав.

– Не пытайся обманом заманить меня, из этого ничего не выйдет. – Я с удвоенной силой принялся сжимать и разжи-

мать антистрессовый мячик. – К тому же я не могу сейчас приехать, у меня каждый день репетиции.

Конечно же, я мог выделить пару дней для визита домой. Но я не хотел.

Сиенна поворчала о том, что я игнорирую шестидесятилетие отца, но ей пришлось принять мое решение. Она знала, что спорить бесполезно.

– Дэн, если ты не прилетишь на мою свадьбу, я очень, очень – чертовски очень сильно обижусь на тебя, – строго предупредила она.

Я представил, как суровая линия прочертила лоб сестры, нахмутив светлые брови и улыбнулся.

– Я ни за что не пропущу это событие. Ты знаешь, что я не поступлю так с тобой.

После смерти мамы Сиенна осталась последним человеком, кто был близок мне, тогда как с отцом мы еще больше отдалились.

Мы поговорили еще немного, после чего попрощались – репетиция начиналась через пять минут. Я не мог опоздать после того, как вчера прочитал всей труппе лекцию об этом.

– Люблю тебя, Дэн, – напоследок сказала Сиенна.

– И я тебя, Нени.

МИКА

– После репетиции ходим в Westfield – надо купить платье к завтрашней вечеринке, – сказала Джун, когда мы разогревались в ожидании «Мистера Пунктуальность».

Я издала длинный «Пффф», потому что новое платье пока что не вписывалось в мой бюджет. Чек с первой зарплатой я получу только в конце недели, а мой счет значительно обеднел из-за того, что я долго сидела без работы.

Но завтрашний вечер не просто «вечеринка», как выразилась Джун, а официальный прием, который устраивает продюсер постановки. Поэтому я не могла заявиться в чем попало.

Заметив, как губы Джун растянулись в улыбке, я обернулась – Дэниел Райерс показался на сцене. Все, кто разминался сидя, поднялись при его появлении.

Он прошелся взглядом по всей труппе, очевидно отмечая, все ли на месте. Хвала Господу, сегодня я пришла даже пораньше – вчерашнего выговора с меня хватило. Да и не хотелось получать штраф, если он говорил серьезно. А у меня не было причин думать иначе.

– Готовы приступить к работе? – обратился он к нам, и все дружно закивали. – Хорошо, начнем.

Начали со вступительного танца, который танцевали мы

с Мишелем (ведущим актером), а потом к нам присоединялись остальные.

Дэниел хмурился, отдавая нам короткие приказы. Заставлял повторять все снова и снова, и так в течение двух часов. Казалось, ему все не нравится. Все, что мы делали – неправильно. Он и правда был тираном, беспощадным. К концу третьего часа мы все были в предобморочном состоянии, красные, потные и еле дышащие. Мы выкладывались на все двести процентов, но этот человек все равно выглядел так, будто мы кучка неудачников, которые могут только разочаровывать его.

Наблюдая за ним, я не увидела никакого хотя бы небольшого одобрения, не говоря даже про улыбку.

Вполне возможно, он родился с повреждением лицевых мышц, которые отвечали за нее. Или же он просто был эмоционально мертвым.

– Горячий! – одними губами произнесла Джун, когда мы сделали небольшой перерыв.

Я взяла свою бутылку с водой и с жадностью набросилась на нее, после чего посмотрела на подругу как на ненормальную.

Кажется, мы по-разному видим его. Я бы не удивилась, если бы у Дэниела Райерса отсутствовал пульс.

– Ты, правда, собралась к нему подкатить?

Судя по тому, что она сегодня потратила не менее часа на макияж и надела топ, едва скрывающий сиськи, она начала

охоту за нашим хореографом. Но после изнурительной тренировки уже не выглядела такой очаровательной.

– Получить такой экземпляр будет настоящей победой, – заулыбалась она. – Завтра вечером у меня будет отличный шанс.

Я очень сомневалась, что у нее что-то выйдет. Дэниел Райерс не выглядел как тот, кто ищет любовные приключения там же, где работает. Во всяком случае, я не заметила, чтобы он бросал на кого-нибудь заинтересованные взгляды.

Завтра в одиннадцать мне нужно было быть на репетиции, но меня не остановило это от третьего бокала шампанского.

Вечер продолжался, а я понемногу пьянела.

– Как я выгляжу?

Джун посмотрела на меня в ожидании одобрения, прекрасно зная, как она выглядела и каков будет мой ответ.

Этим вечером она превзошла себя, блистая в платье от Стеллы МакКартни, с уложенными золотистыми локонами волос. Тонкая красная ткань выгодно подчеркивала каждую плавную линию ее тела. Порой я даже завидовала Джун – мое собственное телосложение никак нельзя было назвать соблазнительным, или тем более округлым. В двадцать шесть я так и осталась угловатой девчонкой с пародией вместо груди. В профессии это не было недостатком – скорее наоборот, но никак не придавало уверенности как женщине.

– Отпадно. – Я показала большой палец, поднятый вверх.

Не трудно было догадаться, ради кого все эти старания.

– Если сегодня все сложится удачно, завтра утром Дэниел будет пить кофе в нашей квартире, – заявила подруга, заулыбавшись улыбкой заговорщика. – Конечно, если он не захочет отвезти меня к себе.

– Пожалуйста, сделай так, чтобы было последнее, – попросила я, не желая видеть Дэниела Райерса в нашем доме. Впрочем, я вообще сомневалась, что у Джун что-то выйдет.

У нее никогда не было проблем с мужчинами, и я много раз становилась свидетельницей ее побед, но не верила, что и в этот раз все будет так же просто.

– Поверь, я буду очень стараться.

Джун залпом проглотила остатки шампанского, вручила пустой бокал мне и виляющей походкой двинулась в направлении добычи. Хотя это слово и казалось менее всего подходящим Дэниелу Райерсу.

Охваченная любопытством, стараясь сильно не пялиться, я поглядывала на то, как Джун что-то говорила Дэниелу, посмеиваясь своим отработанным смехом. В какой-то момент она даже коснулась его руки, будто невзначай. Трудно было определить по непроницаемому лицу мужчины, что он думает о таком «подкате».

Я бы и дальше наблюдала эту сцену, если бы ко мне не подошел мистер Литлок, и не увел знакомиться с целой кучей разных людей, тем или иным образом имевших отношение к театру.

Когда я наконец-то смогла перевести дыхание и попыталась взглядом отыскать Дэниела и Джун, увидела только нашего хореографа. Джун в зале не было.

Скорее всего, она отлучилась в уборную. Интересно, до чего они договорились? Сработали ее чары на Дэниеле, или нет? Он не выглядел нетерпеливым от ожидания, скорее погруженным в себя. Вне этой комнаты.

Наверное, мое подглядывание стало слишком очевидным, потому что мужчина вдруг поднял голову и посмотрел прямо на меня. И хотя нас разделял почти целый зал, я была уверена, он заметил, как вспыхнуло от стыда мое лицо.

То, что я разглядывала его, несколько не смутило, не заинтересовало мужчину. Лишь ненадолго задержав на мне скучающий взгляд, он развернулся и скрылся в толпе.

Видно привык, что женщины уделяют ему много внимания. И стоило признать, было из-за чего. Может он и производил впечатление неприветливого и неприступного человека, но мужчиной он был привлекательным. С идеальным телосложением танцора, без единого грамма жира – сплошные мышцы и сухожилия. Статный, высокий, сероглазый блондин.

Наверное, даже в его суровых чертах лица было нечто такое, что притягивало женщин.

Неужели я смотрела на Дэниела Райерса глазами Джун? Меня это отчего-то встревожило.

ДЭНИЕЛ

– Мистер Райерс, у меня еще не было возможности выразить вам свое восхищение. Но я просто не могу не сказать, как поклоняюсь вашему таланту! Я раз десять смотрела запись «Жизель» поставленной вами и ужасно огорчена тем, что не имею возможности насладиться этим зрелищем вживую.

По всей видимости, данный монолог должен был превратить меня в сироп. Или на что там рассчитывала эта девица. Я не запомнил ее имени, только то, что она исполняла роль Матильды.

Ожидая, когда ее красноречие иссякнет, я стоял с выражением вежливой скуки на лице. Она не сказала ничего, чего бы я ни слышал раньше.

Сотни раз.

– Наверное, я сейчас выгляжу как влюбленная фанатка, – засмеялась девушка, напустив на себя кокетливый вид.

Она выглядела глупо, и я хотел ей сказать об этом. Но работа над постановкой только началась, у нее еще будет шанс возненавидеть меня.

– Вам же наверняка все об этом говорят. – Изобразив очередную жеманную улыбку, она как бы случайно дотронулась до моей руки.

Это было лишним.

– Мисс...

– Савадж. Джун Савадж, – поторопилась сообщить она. – Я забыла представиться. Конечно, за три дня вы не могли запомнить всех.

«Но тебе бы этого хотелось», – про себя хмыкнул я.

Пора было прекращать надоевший мне разговор.

– Джун, я знаю, на что ты рассчитывала. – Я не собирался подслащивать пилюлю. – Подойти ко мне, наговорить комплиментов, очаровать, после чего мы бы провели незабываемую ночь вместе.

Лицо девушки побледнело, и она открыла рот, собираясь что-то возразить, но я не дал ей.

– Давай я сэкономлю твое и свое время – ничего не выйдет. Я здесь не для того, чтобы трахать актрис, восторгающимися моими постановками. Завтра с утра репетиция, сосредоточься на этом.

Давая понять, что разговор окончен, я отошел от девушки, оставив ее в ступоре.

Может мисс Савадж и не привыкла к отказам, но у меня не было времени и желания играть в эти игры.

Ее план не сработал, но она это переживет.

МИКА

Рано или поздно это должно было произойти. Мы с Дэниелом Райерсом оказались в одной компании. К моему приятному удивлению, Хамфри Старк – продюсер, очень тепло отзывался обо мне и в открытую восхищался моим талантом. После долгих лет безвестности это кружило голову.

Литлок, и тот заявлял, что успех представлению обеспечен, и что мы с Мишелем сорвем шквал оваций.

И только Райерс выглядел так, будто очень сомневался во всем услышанном.

– Полагаю, Дэниел уже изменил мнение, ведь изначально он был за кандидатуру Нины, – со смешком сообщил Литлок, снизу вверх посмотрев на стоявшего слева от него Райерса.

На меня словно ушат с холодной водой вылили. Я знала, что Нина Питерс проходила пробы и поговаривали, что изначально на роль Аллегры хотели взять ее, но она отказалась незадолго до того, как утвердили меня. На кастинге Райерса не было – у него не получилось прилететь, но я знала, что он просматривал записи.

И он не хотел меня брать.

Это было унижительно. И это известие обесценило все хвалебные слова в мой адрес этим вечером.

– Пока рано о чем-то говорить, – поведя плечом, сухо обронил он. – Мисс Новак... – он впервые за весь разговор удостоил меня взглядом, – довольно способная.

Лучше бы он не говорил вообще ничего. «Способная» из его уст прозвучало без малого намека на энтузиазм.

– Думаю, ты недооцениваешь Микаэлла, – погладив меня по спине, встал на мою защиту Хамфри Старк. – Она тебя еще приятно удивит.

Я посмотрела на него с благодарной улыбкой, из-за расстройства не обратив внимания на то, что его рука задержалась на мне дольше положенного.

Рискнув взглянуть на Дэниела, я увидела неприкрытый скептицизм в серых глазах – он не верил, что моя персона способна удивить его. Тем более приятно.

И отчего-то это чертовски сильно задевало.

– Считаете, я недостойна этой роли?

Набравшись храбрости (и шампанского), я решилась подойти к Райерсу. Улучив момент, когда рядом с ним никого не оказалось, сразу же пошла в наступление.

– Считаю, что были более подходящие кандидатуры.

Если моя дерзость и удивила его, виду он не подал.

– Нина Питерс сама отказалась, – зачем-то напомнила я – вдруг он думает, что это моя вина?

Он кивнул.

– Да, к моему огромному разочарованию.

Он казался абсолютно спокойным, непоколебимым и ничуть не раскаявшимся. А ведь я готова была расплакаться!

Но не собиралась доставлять ему такое удовольствие.

– Чтобы получить эту роль, я долгие годы пахала как проклятая! – стиснув зубы, процедила я. – Стирая ноги в кровь, через боль и слезы, поэтому я ее заслужила! Чтобы вы, мистер Райерс не говорили и не думали, я ее, черт возьми, заслужила!

Мой голос повысился и наполнился сталью. Как и глаза моего хореографа. Скука и расслабленность сменились уже такой знакомой суровостью.

– Поберегите свой пыл для работы, Микаэлла. Вам не о чем переживать – Хамфри Старк не допустит, чтобы вы лишились роли.

Я пораженно раскрыла рот, заморгав. Мне будто пощечину залепили.

Этот сукин сын и правда считал, что я получила главную роль через постель?

– Что... что это вообще значит? – Я даже заикнулась от возмущения. В детстве у меня были проблемы с речью – я заикалась, оттого, наверное, и началось мое увлечение танцами – в танце мне было легче выразить свои чувства. Но с возрастом мне удалось побороть заикание, хотя в наисильные моменты волнения старая проблема давала о себе знать.

– Только то, что сказал, Микаэлла.

Мое имя он произнес с неким снисхождением, и я реши-

ла, что это из-за моего заикания. К моему лицу прилила горячая кровь. Я не видела, но была уверена, что оно пошло пятнами.

– Поразительно, когда такой талантливый человек на деле оказывается последним козлом! – Я почти выплюнула фразу ему в лицо, радуясь, что не запнулась ни на одном слове. Не став ожидать его отповеди, круто развернулась и зашагала прочь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МИКА

– Счастлива видеть, что ты жива, а не плаваешь в Темзе с проломанным черепом, – укорила я Джун, застав ее за поеданием обезжиренного мороженого в нашей крошечной кухне. – Я раз пять пыталась до тебя дозвониться.

Джун вяло повела плечом, никак не отреагировав на мое негодование.

– Телефон валяется где-то на беззвучном.

Подруга отправила в рот полную ложку мороженого, свободной рукой подперев подбородок. Джун Савадж нечасто можно было застать в таком подавленном состоянии.

– Что случилось?

Она издала длинный вздох страдальцы.

– Ты была права – Райерс еще тот придурок.

После сегодняшнего вечера я лишь убедилась в своем мнении, но мне было любопытно, отчего Джун изменила свое.

– Что он сделал?

– Отшил меня. Грубо. И это было очень унижительно. А я ведь только сказала, что восхищена его работой.

Я не стала говорить ей, что ожидала чего-то подобного.

Хотя даже я не думала, что он может быть таким хамом.

Я взяла ложку и присоединилась к Джун.

– Мне он сказал, что я получила роль только потому, что сплю с Хамфри Старком.

От неожиданности Джун закашлялась, и я похлопала ее по спине.

– Не шутишь?

– Куда уж там.

– Что, так и сказал?

– Почти. Я уловила смысл.

– Правду о нем говорят. Зря я не послушалась тебя.

Я деликатно промолчала, но не могла с ней не согласиться.

– Мне плохо делается, как представлю, что завтра придется быть на репетиции. – Джун уронила голову на руки, захныкав. – Я же со стыда сгорю!

– Эй! Если кто и должен стыдиться, это он! – Я почувствовала, что вновь начинаю заводиться. – Это он показал свое полное невежество. И это он унизил себя своим поведением! Завтра мы обе выйдем на сцену с гордо расправленными плечами, и пусть видит, что ему не удалось нас поколебать.

Я видела сомнение в глазах Джун, но мне хотя бы удалось вызвать у нее улыбку.

Впрочем, когда на следующий день мы пришли в театр, и настало время репетиции, я сама занервничала. Надеюсь, мои прощальные слова вчерашним вечером не повлекут за

собой последствий.

Дэниел появился в зале минута в минуту – не раньше, не позже. Я всерьез решила, что у него какой-то пунктик на этот счет.

Быстро поприветствовав всех, велел приступать к делу. Казалось, он полностью был погружен в сюжет, а если и помнил о нашей стычке накануне, виду не подавал.

– Нет, Мишель, ты должен взять ее и провести через всю сцену. Не протащить. Отойди.

Мой партнер отступил, уступая место Дэниелу.

– Вот так.

Он взял меня за одну руку, другу положил на талию и плавно провел по сцене. У него это получилось очень легко и естественно, словно он делал так тысячу раз, а меня будто заклинило на мысли, что его ладонь на моем теле. Между моим топом и леггинсами был небольшой просвет обнаженной кожи и кончиками пальцев Дэниел касался ее.

Я танцовщица и давно привыкла к тому, что мое тело постоянно находится в контакте с телом партнера. Уже научилась не реагировать, но в этот раз все было иначе.

Странно. Волнительно. Я думала не о том, чтобы сделать все правильно, а о том, что Дэниел Райерс касается меня.

– Понимаешь, чего я хочу?

Обращаясь к Мишелю, Дэниел отошел от меня, велев моему партнеру повторить.

Я как будто очнулась ото сна и взмолилась, чтобы не по-

краснеть, иначе он поймет, о чем я думала.

– Уже лучше. Хорошо, перерыв десять минут, – хлопнул в ладоши Дэниел, и все мы кинулись кто пить, кто в туалет, а кто к своим телефонам.

– Вроде бы все нормально, – заулыбалась Джун, которая сегодня была необычно тихая.

– Ага. – Я рассеянно кивнула, глотнув из бутылки.

Что. За. Черт?!

Почему я все еще чувствую его на своей коже?

Не логично и тревожно. Никогда себя так раньше не чувствовала, а ведь мне приходилось танцевать со многими привлекательными парнями.

Я мотнула головой, прогоняя странные ощущения. Он ведь мне даже не нравится! Я находила его неприятнейшим типом.

И все же остаток репетиции я невольно мысленно обращалась к своей реакции на близость своего хореографа. Это сделало меня рассеянной и невнимательной, за что я получила довольно резкие замечания от Дэниела.

Знал бы он, что является тому причиной!

После нескольких промашек мне все же удалось взять себя в руки, и тогда он переключился на Джун. Вообще-то практически всем доставалось от него, но толи к тому моменту он уже потерял терпение, толи припомнил ей вчерашнее, но с ней он обошелся очень грубо.

– Мисс Савадж, Матильда – злобная, завистливая сестра

Аллегры! Она расточает сладкие улыбки, но в душе замышляет недоброе. Коварство ее истинная натура. Так сложно понять, чего я хочу от вас? – сложив руки на поясе, кричал на бедную Джун Райерс. – Дайте мне это! Я хочу видеть Матильду, а не вялую, апатичную девицу с жалкими потугами вместо артистизма!

Он впервые сорвался и разошелся настолько сильно, чем просто пригвоздил нас к полу с разинутыми ртами. Всех, кроме Джун. Расплакавшись, та убежала со сцены, зажимая рот ладонью.

Мы все были на пределе. Уставшие, вымотанные, с единственным желанием, чтобы все это поскорее закончилось.

– Чего застыли?! – окинув нас хмурым взглядом, рывкнул Райерс. – Возвращайтесь к работе!

Вместо того чтобы послушаться, я бросилась догонять Джун.

Я сжала руку в кулак и затарабанила в дверь кабинета.

Если он думает, что мы (в данном случае я) станем терпеть его сволочное отношение, то очень сильно ошибается.

Я выждала, когда все разойдутся, чтобы прийти и высказать в лицо Дэниела Райерса все, что думаю о нем и его обращении с нами.

– Что за...

Явно взбешенный, мужчина распахнул дверь, которую я чуть не снесла.

– Мисс Новак, какого черта вы творите?! – едва не скрепя зубами, процедил он.

– Вы, мистер Райерс, не имеете никакого права так с нами обращаться! – наставив на него палец, заявила я.

Моргнув, он недоуменно уставился на меня.

– Что?

Я закивала, всем своим видом показывая праведный гнев. Этот человек может и не привык, чтобы ему перечили, но пусть знает, что даже такому как он могут дать отпор.

– Что слышали! Может вы ошибочно и приняли нас за своих рабов, но это не так. Мы все выкладываемся на полную силу своих возможностей и заслужили, чтобы нас уважали!

– В самом деле, Микаэлла? – Дэниел хмыкнул. – Вы не дали мне ни одной причины для этого.

Надменный, спесивый засранец!

Впервые я видела человека, который раздражал меня с такой невероятной силой!

– Может быть, я и не нравлюсь вам. Может быть, вы были бы счастливы видеть на моем месте другую, но я здесь, и я не собираюсь уходить, поэтому смиритесь, мистер Райерс и не мешайте мне работать!

Я гордилась собой. Моя речь была твердой и непоколебимой, а еще было немного жаль, что у меня при себе нет телефона. Выражение лица Дэниела в этот момент стоило того, чтобы быть запечатленным.

Это был бы бесценный кадр!

– Это я мешаю вам работать? – недоверчиво уточнил он. – Микаэлла, вы забываетесь.

– То же самое могу сказать о вас! – Ого, кажется, меня уже несло. – Совсем не обязательно доводить людей до слез, чтобы получить от них желаемое. Или это ваш способ утвердить свое величие среди нас?

– Не верю, что стою здесь и до сих пор слушаю выговор от взорвавшейся девчонки, – сдавив пальцами переносицу, пробормотал мужчина.

Я закатила глаза, тихонько фыркнув. Не могла же я на самом деле рассчитывать, что он услышит меня!

– Это все, что вы хотели сказать мне?

Я промолчала. Может быть, мне и хотелось добавить кое-что ко всему сказанному, но я поняла, что лучше заканчивать.

– Мисс Новак, – Дэниел ближе подступил ко мне и так как был выше на целую голову, теперь возвышался надо мной, – если подобная выходка повторится хотя бы раз, гарантирую – вам больше не придется беспокоиться моим обращением с актерами.

Не смотря на то, что говорил он спокойно, даже мягко, у меня по спине мурашки побежали. А ведь он не блефовал.

– Надеюсь, ваша «светлая» голова это понимает. А теперь, сделайте одолжение – проваливайте из моего кабинета!

– Ты лезешь на рожон, – заявила Джун, когда я сообщила, что сегодня не пойду на репетицию.

– Не могу, Джун. Сегодня я его точно не вынесу!

– Да брось! Он того не стоит. Ну, придурок он, мы-то все равно ничего изменить не можем.

Я упрямо покачала головой, давая понять, что не передумаю. Я все еще не отошла от нашей стычки, и почти не спала ночью, а теперь чувствовала себя как будто тусовалась ночь напролет. Меня мутило, что придется пойти в театр и несколько часов терпеть его.

– Вечером все равно идем в «Ботинок»? – прежде чем уйти, уточнила Джун.

Я кивнула.

– Конечно. Как и планировали.

Решив пропустить репетицию, я была уверена в том, что делаю, но чуть позже стала сомневаться. Впрочем, менять что-то было поздно. Когда я посмотрела на часы, репетиция шла уже больше часа.

Ну и ладно! В самом деле, что он сможет сделать, кроме того, что оштрафует меня? Это неприятно, но не смертельно.

Так я себя успокаивала, но помогало мало. Я уже успела двадцать раз пожалеть, что не пошла в театр.

Днем я послала Джун сообщение:

«Как он отреагировал?»

Не надо было уточнять, кто такой «он».

Через полчаса Джун прислала ответ:

«Только спросил, где мисс Новак. Я сказала, что тебя не будет, потому что ты плохо себя чувствуешь».

Ладно, может это и пройдет. Может он поверит, что я приболела. Всегда можно сослаться на критические дни, хотя такому человеку это явно не интересно.

С этими тревожными мыслями я и заснула, забравшись под одеяло с головой.

– Не у каждого хватило бы смелости выступить против такого человека, – округлил темные глаза Мишель. – Признаюсь, что он меня пугает. Но ты, дорогая, мой герой. До дна, за тебя!

Мишель поднял свой шот с текилой и все последовали его примеру, но я совсем не чувствовала себя героиней. Ничего нет геройского в том, чтобы навлечь проблемы на свою задницу.

Я заставила себя улыбнуться и проглотила содержимое своей стопки. Алкоголь обжег пищевод – я поморщилась, но через секунду блаженное тепло разлилось в желудке.

Это то, что мне было нужно после такой напряженной недели.

– Я бы точно не стала так рисковать, – состроила постную мину Пиппа – любительница высоко задирать свой нос.

– Ой, да не начинай! – отбрила ее Джун и они с Пиппой обменялись неприязненными взглядами.

– Тише, барышни, только не ссорьтесь, – выступил в роли миротворца Уэсли – мне он понравился еще с первого кастинга. Он был симпатичным, дружелюбным и веселым.

– Согласна, это глупо. Не стоит повторять подобное, – с усмешкой отозвалась я, прогоняя нехорошее предчувствие. – Мишель, наливай.

Мой сосед кинулся разливать текилу по стопкам, и мы выпили по второй. Алкоголь сделал свое дело – снял напряжение и вернул мне бодрость духа.

Все будет хорошо. Seriously, из-за чего я переживаю? Не выгонят же меня из-за одного пропуска!

Но стоило подумать об этом, как мой желудок опять скрутило в узел. Я поднялась, заявив, что пойду, возьму еще выпивки.

Если у моей выходки будут последствия, мне некого будет винить, кроме как себя. И после всех лет бесконечных безрезультативных кастингов лишиться такой возможности будет настоящим идиотизмом.

Да, Дэниел Райерс неприятный, раздражающий тип, и работать с ним совсем не праздник, но я не должна забывать, для чего делаю это.

Меньше всего, подойдя к бару, я ожидала увидеть нашего хореографа. Я заметила его одновременно с тем, как он заметил меня, и не было никакой возможности улизнуть потихому.

Кажется, моя расплата настигнет меня раньше, чем я ду-

мала.

Дэниел сидел за стойкой в компании какого-то мужчины, и я видела, как сошлись на переносице его брови, когда он посмотрел на меня. Поспешно, но все равно недостаточно быстро отведя взгляд, я вцепилась пальцами в барную стойку, пробормотав свой заказ бармену.

Хоть и не могла видеть, но отлично чувствовала, что он все еще на меня смотрит. Это жутко нервировало. Хотелось поскорее убраться и скрыться из его поля зрения.

Я с опасением ожидала, что Дэниел подойдет и устроит мне выговор за пропуск, но этого не случилось.

Схватив бутылку с текилой, я заторопилась вернуться к нашему столику.

ДЭНИЕЛ

– Что ты там рассматриваешь? – Вик оглянулся, заметив, что я стал невнимательным. – Или, точнее, кого. Хорошенькая. Это ее отобрали на ведущую роль?

– Вроде того, – хмыкнул я, поднося стакан со скотчем ко рту.

– Как это понимать? – нахмурился в замешательстве приятель.

Вик был одним из немногих, кого я мог назвать своим другом. А в Англии таких людей можно было пересчитать на пальцах одной руки.

– Она протеже Хамфри Старка, – сухо ответил я.

– Ты в этом уверен?

На лице Вика отразилось сомнение. Но после того как Старк буквально при всех лапал Микаэлла, сомнений у меня практически не было.

– Уверен. Почти, – нехотя добавил я, потому что все же мог ошибаться.

– Уже больше года Хамфри Старк покровительствует Присцилле Ривс. Это ни для кого не секрет.

– Ты уверен?

Вик улыбнулся.

– Как и в том, что ты сидишь передо мной.

Виктор был театральным сценаристом, причем очень успешным. Он знал эту кухню изнутри. У меня не было причин не верить ему.

– Что мешает ему иметь двух любовниц?

– Ничего, – пожал плечами он. – Но я не думаю, что их с этой девушкой что-то связывает. Тогда бы уже все знали об этом.

Выходит, я зря обвинил Микаэллиу в том, что она получила роль через постель Хамфри Старка. Да и надо признать – она хороша в том, что делает. Девушка действительно обладала талантом, но я отказывался это замечать, отрицая, что роль досталась ей не с его помощью.

Но это не отменяло того, что мисс Новак стоило преподнести урок из-з ее сегодняшнего поступка. У нее хватило наглости не явиться сегодня на репетицию, а также глупости позже появиться в баре, расположенном прямо напротив театра.

Если только это не был специально спланированный протест. В любом случае с ее стороны это было зря. Мисс Новак еще не знала, во что ввязывается.

– Ты же не сказал ей этого? – с подозрением покосился на меня Вик.

Я потер подбородок, предпочитая не отвечать.

– Черт тебя подери, Райерс! Ты что, в первую же неделю обвинил главную актрису в том, что она раздвинула ноги за удачную роль?

– Не прямо, но да, – признал я. Отрицать смысла не было. Вик присвистнул.

– Бедная девочка!

– Перестань. Ты говоришь так, будто я – худшее, что могло с ней произойти.

Его взгляд был красноречивей любых слов.

– Я знаю твои методы. Не удивлюсь, если половина трупы в итоге потратит свои гонорары на психотерапевтов, чтобы излечиться от травмы, нанесенной тобой.

Видя его довольную рожу, я и сам не смог сдержать улыбки.

– Это было всего лишь раз. И та девушка была чокнутой с самого начала.

– В интервью она рассказывала другое.

– Может я и резок с ними, но это только сделает их лучше. Пока что такой метод работал прекрасно.

Вик кивнул.

– Тут не могу не согласиться. Успех твоих постановок всем известен. К тому же к себе ты не менее суров, чем к своим подопечным, – серьезно посмотрел на меня он.

Это было так, но я не хотел говорить об этом, поэтому сменил тему.

– В следующую субботу, у меня в восемь. Будет небольшая вечеринка по случаю новоселья.

Вик пообещал, что обязательно будет. Бармен обновил наши напитки, и друг рассказал мне, почему Нина Питерс от-

казалась от роли Аллегры в последний момент.

Порой мне казалось, Вик в курсе всего, что происходит в театральной среде Лондона.

– Так что теперь Нина надолго сменит пуанты на детские пеленки, – заключил он, сообщив о беременности Нины.

Это невольно напомнило мне другой случай, случившийся еще во время моего преподавания в Джуллиарде. С тех пор прошло много лет, и я старался нечасто вспоминать Лекси Рендол, но в такие моменты, как этот, ее имя всплывало в памяти.

– Можешь сразу сбрасывать ее со счетов, – без выражения произнес я, прогоняя к черту воспоминания, которые не несли ничего, кроме сожалений. – Это конец ее карьеры.

– Ты слишком категоричен.

– Нет. Я просто реально смотрю на вещи. Ты не хуже меня знаешь, что процент возвращения не особо велик. А если она и вернется через два-три года, играть будет чьих-нибудь матерей или подруг-неудачниц.

Может мои суждения и были резки, но от этого не менее правдивыми.

МИКА

С того момента, как я увидела Дэниела, напряжение не желало покидать мое тело. Даже алкоголь больше не помогал.

Я то и дело выглядывала со своего места посмотреть, не ушел ли он, но Дэниел по-прежнему сидел за стойкой со своим другом.

А я мысленно готовилась к экзекуции, потому что не верила, что он ничего не предпримет.

Что он вообще тут делает? Да, посетители бара в основном составляли работники театра, но я не думала, что «Мистер Крутой» снизойдет до него.

В моем представлении он не очень вписывался в обстановку.

– Кого ты там все время высматриваешь? – Джун наклонилась ко мне, пытаясь рассмотреть противоположную сторону зала. Люди у стойки закрывали хороший обзор.

– Дэниел возле бара, – на ухо ей сообщила я. Моя речь уже стала менее внятной.

Джун посмотрела на меня, пьяно заулыбавшись.

– Дэниел?

– Где?! – выпалил сидящий по другую сторону Мишель, принявшись озираться, будто наш хореограф стоял у него за

спиной.

Там была только стена.

– Возле бара, – нехотя повторила я. – И пожалуйста, давайте не будем привлекать к себе внимание.

– Кто-то покраснел, – пропела Джун, икнув.

Хвала Господу, никто кроме меня этого не слышал!

– Ты уже просто в стельку, дорогая, – нервно пошутила я, на что та только пожала плечом, откинувшись на спинку стула.

Ее и правда, хорошо разобрало.

Меня, между прочим, тоже. Последний шот, очевидно, оказался лишним. Меня замутило, и я поспешила выйти из-за стола – в помещении было душно и у меня начала кружиться голова.

Я почти добралась до выхода, когда чья-то ладонь легла на мое плечо, останавливая.

Дэниел.

Вот черт!

– Вижу, никакой неизвестный недуг не свалил вас, Мика-элла.

В отличие от меня был абсолютно трезвым. Или казался таким. Я не могла разобрать.

– Вы без причины пропустили репетицию, а я предупредил, что полагается в таких случаях.

Я уже готова была молить его о прощении и раскаяться, но открыла рот, и мой мозг выдал нечто совершенно иное.

– Вы когда-нибудь улыбаются, мистер Райерс? Потому что я никогда не видела улыбку на этом вашем суровом лице. – Я пальцем описала круг у него перед носом. – Вы это вообще умеете? Уверена, вам было бы хорошо с улыбкой.

Я и сама заулыбалась, своим хмельным сознанием считая, что отлично справляюсь с беседой. Что не такой он и пугающий, как показался вначале.

Ну вот, сейчас же он меня слушает! Руки в карманах брюк, голова чуть склонена к плечу и взгляд такой внимательный!

– Да, признаюсь – я не заболела, – словно сдаваясь, я вскинула руки вверх. – И репетицию пропустила из-за вас. Согласитесь, мы вчера оба наговорили друг другу много лишнего. – Черт, кажется, я ему даже подмигнула! – Так не должно быть. Мы ведь должны быть одной командой, верно? Что скажите?

Я послала ему еще одну улыбку, наивно полагая, что он ответит мне тем же, и мы подружимся.

И отныне все будет офигенно!

Да, идиотка. Да, не надо было пить.

– Скажу, что кому-то хватит текилы, – вздохнул Дэниел с явным раздражением. – Мы еще не закончили, Микаэлла. Но сейчас от вас толку не больше, чем от мартышки.

С этими словами он отошел.

Я скривилась ему вслед. Ну и ладно, подумаешь!

– Можно узнать, какого хрена ты творишь?! – заорала в трубку Клара, когда я ответила на звонок.

Я поморщилась, стойко выдерживая ее вопли.

Признаю, я это заслужила.

– Почему мне звонит Генри Литлок и говорит о твоём непрофессиональном поведении?! Дорогуша, ты еще не сраная примадонна, чтобы такие коленица выбрасывать!

Следующие пятнадцать минут Клара распекала меня за мою глупость. А я стоически выслушивала, терпя похмелье, и в конце клятвенно пообещала, что вымолю прощение у Дэниела Райерса.

Потому что проблема в нем и это он мной недоволен. А если недоволен он, то это верный признак того, что я в «большой жопе».

Это не мои слова.

Черт, надо было все исправить! Мне хотелось немедленно броситься к Дэниелу и правдами и неправдами убедить его в том, что я на самом деле серьезно отношусь к данному мне шансу. А еще извиниться за то, что наплела ему вчера под действием текилы.

Я и правда влипла!

Но была суббота, а в выходные репетиции не проходили. У меня будет возможность увидеть его только в понедельник.

Я не знала, как выдержу следующие два дня.

Выбравшись из постели, я приняла пару таблеток аспири-

на, выпила кофе, сходила в душ и к обеду почувствовала себя почти живой.

Как только мне немного полегчало, я вновь принялась корить себя за то, что собственноручно поставила свою карьеру под удар. Каждый раз, когда в моей душе поселялась тревога, мне было плохо и беспокойно, я делала то, что умела лучше всего – танцевала. В танцклассе все проблемы оставались за внешними стенами – в мире была лишь я и магия танца.

Именно поэтому я оделась, оставила все еще дрыхнувшей Джун записку и отправилась в театр.

ДЭНИЕЛ

Неделю после переезда мне пришлось жить в отеле, но наконец-то сегодня я мог въехать в свою квартиру.

Номер в The Laslett был одним из лучших, но отель есть отель. Я ценил свое личное пространство и уединение, поэтому так ждал этого дня.

Кое-какие из моих вещей, которые доставили из Нью-Йорка недавно, хранились в моем кабинете в театре. По дороге к новому дому я заехал, чтобы забрать их.

В субботу днем театр был необычайно тих, хотя в другое время тут царила суета. Но в такие моменты, когда казалось, что здание абсолютно безлюдно, он нравился мне еще больше.

Совершенно случайно выглянув в окно, я заметил хрупкую фигуру, торопящуюся к главному входу. Небольшой рюкзак болтался на одном плече девушки, а волосы, собранные в высокий хвост, раскачивался в такт шагу.

Я узнал ее – это была Микаэлла – девушка, которая всякий раз при встрече старалась вывести меня из себя.

Девушка, которая считала, что я не способен улыбаться.

Девушка, которая на мгновение напомнила мне кое-кого другого из прошлого.

Я нахмурился, отойдя от окна. Неужели мне на самом де-

ле показалось, что она похожа на Лекси?

Нет, ерунда. В них не было ничего общего. Во всяком случае, я не припомню, чтобы Лекси обладала такой способностью раздражать меня, которая есть у мисс Новак. Я сомневался, что мы сработаемся. Рано или поздно кто-то обязательно сдастся.

И это буду не я.

Я в недовольстве уставился на премию Тони, лежащую поверх одной из коробок. Все никак не поставлю ее на полку. Впрочем, я не был любителем выпячивать свои награды.

Да, я ее получил. И да, она очень значительная.

Все, точка. Мне не нужно постоянно глазеть на нее в желании потешить свое эго.

Мое эго и так в порядке.

Может, между ними и было что-то общее. Талант. За долгие годы я встречал много талантливых танцоров. Но когда я увидел, как танцует Лекси, во мне будто что-то щелкнуло и замкнулось. У нее было призвание. Я видел свет, идущий от нее, и почувствовал, как тянусь к этому свету. Он вытягивал меня из моей собственной тьмы.

А потом он погас, и я ощутил одно из самых сильных разочарований в своей жизни. Возможно то же самое чувствовал мой отец, когда вместо медицины я выбрал недостойный путь «прыгуна в колготах».

Это было моим личным поражением. И я больше никогда не хотел испытать что-то подобное.

Наблюдая за Микаэлкой, я ощутил тревогу, потому что в ней что-то было. Что-то неуловимое. Возможно, мое предчувствие и подводило меня, но она могла стать Ивет Шовире нашего времени. Еще пока она была необработанным материалом, но в моих руках могла стать шедевром.

Но ее характер все портил. Мне не нужны были такие сложности. Я не мог еще раз позволить себе потратить время напрасно на то, что ни к чему не приведет.

Не хотел этого.

Но мне стало любопытно, что привело ее сюда в субботу. Скорее всего, в не самом лучшем самочувствии после вчерашнего.

Мне нужно было забрать свои вещи и уехать, но вместо этого я решил найти Микаэллу. Мы все еще не обсудили ее неявку на репетицию.

Я обнаружил ее в малом репетиционном зале. Девушка разогревалась так увлеченно, что не заметила, как я открыл дверь.

Она собиралась заниматься в свой выходной? Вместо того чтобы потратить время на что-нибудь другое?

Вчера она пропустила репетицию, убедив меня в своей ненадежности и безответственному отношению к делу, но сейчас была здесь, хотя и не была обязана.

Я ее не понимал.

Микаэлла посмотрела в зеркало, тянувшееся вдоль всей стены, и вздрогнула, заметив меня.

– Мистер Райерс! – Она быстро обернулась, не ожидая моего появления здесь.

Поколебавшись, я прошел через зал, остановившись в полуметре от нее. Она выглядела... напуганной.

Вчера она такой не была.

– Мисс Новак, вы в курсе, что сегодня выходной? Приходить следовало вчера. – Я позволил язвительности проступить в голосе, наблюдая, как ее щеки заливают румянцем.

Девушка виновато опустила глаза в пол.

– Я знаю, но я хотела немного позаниматься, если это не запрещено правилами.

Она вновь посмотрела на меня, кротко и с промелькнувшей паникой в глазах.

«Очень красивых глазах».

Или мисс Новак была хорошей актрисой, или она правда сожалела.

Я пожал плечом.

– Не запрещено.

Она сделала глубокий вздох, прежде чем выпалить:

– Мне очень стыдно за свое поведение! Знаю, что показала себя с не наилучшей стороны, но обещаю, что подобного больше не повторится.

Я молчал, давая ей возможность принести свои сбивчивые извинения. Очевидно, мисс Новак уже знала, что ее маленькая выходка не осталась незамеченной и не только мной. Она была напугана, по-настоящему.

Хорошо, ей это не повредит.

– И за то, как глупо повела себя в баре, тоже примите мои извинения, – еще быстрее заговорила она, потому что я все еще сохранял молчание.

Я заметил, что нервничая, Микаэлла начинала говорить с довольно заметным не английским акцентом. Мне стало интересно, кем она была. Точно не англичанкой.

– Это было недопустимо. Если бы не текила... – она неловко замолчала, прихватив зубами уголок нижней губы.

Это привлекло мое внимание. Больше, чем было нужно. Такие уловки никогда не действовали на меня. Вокруг меня всегда было много девушек, учитывая мой род занятий, и они пытались. На самом деле попыток и ухищрений было много.

Но для меня всегда стояло четкое разделение между профессией и личной жизнью.

До определенного момента. Одного и единственного.

Я больше не собирался повторять эту ошибку.

– Вы знаете о системе штрафов, – сухо отозвался я, мало тронутый ее увертками. Если это все же были они. Почему-то в случае этой девушки я не мог быть полностью уверен. – Я дам вам второй шанс, но мое терпение очень лимитировано. И вы его исчерпали.

Она быстро закивала, соглашаясь.

– Я больше не желаю слышать ваши размышления о моих методах работы. Вы не поднимаете свой голос на меня, и ес-

ли вас что-то не устраивает, молча это проглатываете. Или так, или уходите.

На этот раз она кивнула уже медленней. Мои слова ей не понравились, но если она не была глупой (на что я все же надеялся), то смолчит.

– Самое главное, Микаэлла – не заставьте меня пожалеть об этом. И не тратте мое время впустую. У вас есть проблемы с этим?

Я прямо смотрел в ее глаза, ожидая ответа.

Она покачала головой.

– Нет, сэр. Никаких проблем.

– Вот и хорошо. А теперь не буду вам мешать. – Мои губы приподнялись в сдержанной улыбке. – Работайте.

Я развернулся и вышел из зала, дав ответ на ее вопрос.

Я умел улыбаться.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МИКА

Я поняла, что если не смирю свой крутой нрав и не подстроюсь под правила Дэниела, то у меня ничего не выйдет. Мне уже двадцать шесть – не самый юный возраст для балерин, а я еще не добилась каких-нибудь значимых высот в карьере. Если я не хотела до скончания веков танцевать в массовке, мне придется стать более гибкой.

Во всех отношениях.

В конце концов, я нуждалась в Дэниеле, не он во мне. Найти замену мне куда проще, чем такому, как он.

И когда я это приняла, мне стало легче работать с ним и переносить порой его чрезмерную резкость. Этот человек никого не щадил – с каждого, даже танцора из последнего ряда он спрашивал сполна.

Возможно, это даже было правильно. Только достигнув предела своих возможностей можно было стать кем-то великим; кем-то, чье имя будут помнить и после смерти, а не одним из многих.

Еще одной посредственностью.

Для меня вошло в привычку задерживаться после репетиции на дополнительный час-другой и в одиночестве повто-

рять уже пройденное. В выходные я тоже могла приехать в театр и заниматься, пока силы меня не покидали.

Танец был моей страстью, моей жизнью – всем на свете. Он заменял мне если не все, то многое. У меня, в отличие от Джун, не было семьи и родных, и у меня оказывалось очень много свободного времени.

Джун почти каждые выходные уезжала в Колчестер к родителям, а я отправлялась в театр. Больше, в принципе, мне пойти было некуда.

Но я не считала, что что-то теряю, или намеренно лишаю себя чего-то важного. Я знала, чего хочу и шла к этому.

– Гадство!

Я тихо выругалась себе под нос, когда поздно вечером вышла из театра, под настоящий ливень. Утром погода была солнечной, на небе ни облачка – никакого намека на осадки. Конечно, зонта при мне не оказалось.

Еще и Джун меня «обрадовала» своим смс.

«У меня гость. Задержись на пару часов».

У нас за годы совместного проживания отработалась своя система. Обычно я была не против погулять, пока Джун развлекалась с очередным парнем, но сегодня я очень устала, еще и этот чертов дождь. Я не знала, как пробежать до метро – вымокну же до нитки! Да и куда податься? Хотелось только одного – принять расслабляющую ванну и забраться в постель.

Можно сделать вид, что не видела ее сообщения и прямо-

ком отправиться домой. И скорее всего, застать Джун и ее «гостя» в разгар брачных игр.

Ладно, не стану я этого делать. Она ведь меня тоже выручала. Хотя я и не так часто привожу к себе парней.

Я затаилась у одной из колон, удерживающих крышу театра. Не похоже на то, что в ближайшее время дождь планировал прекратиться или ослабнуть. Я могла простоять здесь не один час. Мне все равно придется выйти из своего укрытия. Рано или поздно.

Я могла бы пойти в «Ботинок», но для этого нужно пересечь дорогу. За пару минут под таким потоком на мне и трусы вымокнут. Пока я соображала, что же мне делать, черный Volvo S40 поравнялся со мной и затормозил. Водительское окно опустилось, и я с удивлением увидела нашего хореографа.

– Садись.

Дэниел подал мне знак занять место рядом с ним, и, не мешкая, я выскочила из укрытия, обогнула автомобиль и юркнула на переднее сидение, принеся с собой дождевые брызги.

– Извините.

Мне стало неловко – я не только намочила кожаную обивку сиденья, но и уверена – несколько капель попали на него самого.

Мужчина на это ничего не ответил.

– Где ты живешь?

Он выехал на дорогу, вливаясь в немногочисленный в это время суток поток.

– Я вообще-то пока не собиралась домой. Можете высадить меня возле какого-нибудь паба.

Дэниел бросил на меня странный взгляд, судя по всему удивившись.

Я вдруг поняла, что он мог неправильно расценить мои слова.

– Уже поздно и завтра с утра репетиция. Разве тебе не пора домой?

Я хотела ответить, что это не его дело, но не хотела очередного конфликта с ним.

– Я не могу поехать домой сейчас, – я сделала акцент на последнем слове. – Мы делим квартиру с соседкой и она сейчас не одна.

Я не стала говорить, что это Джун. Не хотела, чтобы он плохо подумал о ней.

Дэниел нахмурился, бросив на меня быстрый взгляд.

– Ты не можешь пойти домой, потому что твоя подружка развлекается?

Я уловила неодобрение в его голосе.

– Это просто соседская взаимовыручка, – пожала плечами я, уже жалея, что села в машину.

Дэниел ничего не ответил, только поджал губы, сосредотачивая все внимание на дороге.

– Можете высадить меня вон у того паба. – Я указала на

неоновую вывеску, не собираясь быть для него обузой, но он проехал мимо.

Я взглянула на него с удивлением, но он или не заметил, или проигнорировал.

Внутри заиграло беспокойство. Конечно, я не думала, что он вез меня в лес, чтобы убить и расчленить мой труп, но все же он не был тем человеком, с которым мне было свободно.

Он заставлял меня нервничать и испытывать странные, смешанные эмоции.

– Где мы? – спросила я, когда автомобиль свернул на подземную парковку большого кондоминиума.

Дэниел заглушил мотор и повернулся ко мне.

– Я здесь живу.

– И для чего вы привезли меня к себе? – насторожилась я.

– Я не заметил, чтобы у тебя был большой выбор.

– Вы могли высадить меня у паба, как я и просила.

Я не хотела показаться неблагодарной, но мне казалось это... странным.

– Мог, – соглашаясь, кивнул он. – Но ты намокла, тебе нужно полотенце и тепло, иначе ты можешь заболеть. А если ты подхватишь простуду или что хуже – воспаление легких, пропустишь репетиции, и тогда мы выйдемся из графика, – пояснил он.

Вот оно что. Он просто беспокоится, чтобы моя случайная болезнь не нарушила его графика. А ведь на секунду я поверила, что он проявил заботу.

Дурочка.

– Это очень предусмотрительно, – заставила себя улыбнуться я, пытаясь скрыть язвительность.

Мы с Дэниелом вошли в лифт, и он нажал кнопку последнего этажа. Я могла только предположить, что проживание в таком месте обходится недешево. Очевидно, и оплата у него была внушительная.

Интересно, сколько ему пообещали, чтобы переманить в Лондон?

«Как же классно он пахнет!»

В ограниченном пространстве лифта я без труда уловила аромат его туалетной воды – немного древесный, дерзкий и свежий. Очень подходящий ему.

Обычно я видела Дэниела одетого в майки и тренировочные штаны, но вне зала он одевался с легкой стильной небрежностью. Сейчас он был в джинсах, спортивном темно-синем пиджаке и светлой футболке с глубоким вырезом.

Смотреть на него было приятно – это точно. Уверена, у него не было отбоя от женщин.

И он их, скорее всего, менял как перчатки.

В легком раздражении я выдохнула себе под нос – с чего я вообще стала думать об этом?!

– Ты часто задерживаешься после репетиции, – заметил Дэниел, впуская меня в квартиру. – Почему?

Он включил свет, и я с любопытством огляделась – гостиная, совмещенная с кухней, была большой и просторной. Из

мебели самый минимум, всё только функциональное. Но на стенах висели картины – что-то из современного искусства, и это немного смягчало впечатление.

– Потому что хочу стать лучше. – Я посмотрела на него, пожав плечом.

«И доказать тебе, что тоже чего-то стою».

Этого я не стала ему говорить.

Дэниел задержал на мне взгляд, но никак не прокомментировал. Мне хотелось забраться ему в голову и посмотреть о чем он думает.

– Ванная там, вторая дверь слева. – Он указал мне в сторону коридора. – Полотенца в шкафу, на верхней полке.

Мне бы, правда, не помешало обсушиться. Найдя в указанном месте большое, мягкое полотенце, я промокнула волосы, которые пострадали больше всего. Впрочем, блузке и джинсам тоже досталось.

Стоя перед зеркалом, я задумалась. Правду ли сказал мне Дэниел? Он привез меня к себе, потому что действительно не хотел, чтобы я заболела, или у него были другие мотивы?

Я не заметила какого-то особого внимания с его стороны, но что если...

Что, если он рассчитывал на что-то со мной, выходящее за рамки профессиональных отношений? Как мне тогда себя вести? Я, может быть, не большая его фанатка как человека, но он вроде как привлекает меня в качестве мужчины.

И конечно, я не сегодня это заметила. Но все эти проти-

воречивые чувства, что он вызывает во мне, тоже неспроста.

Моя рука с полотенцем замерла. Я смотрела себя в глаза и спрашивала:

«Серьезно? Ты на самом деле хочешь этого?»

Но даже если это и случится, то, скорее всего, будет огромной ошибкой с моей стороны.

Испытывая смущение из-за хода своих мыслей, я вернулась в гостиную. Дэниел, уже без пиджака, разливал кипяток в чашки.

– Подумал, ты не откажешься от чая.

– Только потому, что мы находимся в Англии? – несколько нервно пошутила я.

Шутка вышла не смешной. Дэниел не улыбнулся.

– Ты ведь не англичанка. – Он подвинул чашку в мою сторону, а я опустилась на высокий стул, отметив, что как-то незаметно мы перешли на «ты».

– Я родилась в Чехии, тогда еще Чехословацкой республике. В Англию перебралась восемь лет назад, когда поступила в балетную школу.

Я не знала, интересно ли ему было узнать это, или же мои слова не вызывали ничего, кроме скуки – по его лицу совершенно невозможно было ничего определить. Казалось, он просто слушал, глядя мне в глаза – у него никогда не было с этим проблем. Я заметила, что он всегда смотрел прямо в глаза собеседнику, что лично на меня действовало несколько подавляюще.

Я вдруг подумала, что это человек железного самоконтроля. Да, он мог кричать на нас во время репетиций, но я ни разу не видела, чтобы он по-настоящему выходил из себя.

Он был хладнокровным, но, несмотря на все это, было нечто, что влекло к нему.

– Ты всегда хотела танцевать в балете?

Он поднес чашку к губам, не сводя с меня взгляда. Я заметила, как напряглись мышцы на его руках – он действительно был в прекрасной форме, но я гадала, только ли в этом заслуга танцев, или он занимался дополнительно?

– Почти столько же, сколько себя помню. Мне было лет пять, когда я увидела «Лебединое озеро» по телевизору и влюбилась в то, что происходило на сцене. Я не могла постичь весь драматизм, передаваемый актерами, но их движения завораживали. Они были прекрасны, как ангелы – мне казалось, что стоит им взмахнуть руками, и они взмуют вверх как настоящие лебеди. Мне захотелось стать одной из них. – Я улыбнулась детским воспоминаниям, но вдруг устыдилась своей излишней откровенности.

Наверное, Дэниел принял меня за романтизированную дурочку.

Он внимательно смотрел на меня, но я не увидела в серых глазах ни призрания, ни снисхождения, которых так опасалась.

– Хочешь есть? – отворачиваясь от меня к холодильнику, спросил мужчина.

От столь внезапной смены темы я растерялась. Вот так мы перешли от балета к еде.

Но я на самом деле была голодной – последнее, что я ела – это куриный салат на обед в театральной столовой. Поэтому как бы странно я себя не чувствовала, сидя на его кухне, я согласилась.

– Очень вкусно, – похвалила я, попробовав запечённого лосося с овощами, который Дэниел разогрел в микроволновке. – Ты это сам приготовил?

– У меня нет личного повара, – он сделал глоток воды из стакана, после чего вновь посмотрел на меня.

– А я не умею готовить. Все время что-нибудь порчу. – Нервничая, я говорила, даже не задумываясь, интересно ему это или нет. Но он по большей части молчал, и я заполняла паузы своей болтливостью.

– Но зато ты хорошо танцуешь.

Что-то очень похожее на улыбку отразилось на его лице. Это, и его похвала стали для меня небольшим шоком. Мне едва удалось удержать рот закрытым.

– Не идеально, но хорошо.

– Правда?

Я своим ушам поверить не могла. В мой адрес говорили много хвалебных слов, но отчего-то услышать это от него было приятней всего.

– У меня нет причин лгать. – Он поднялся, взяв свою тарелку. – Закончила?

Я быстро кивнула, и он отнес посуду в раковину.

– Спасибо. Мне очень понравилось.

Дэниел только кивнул.

– Тебе нужно поработать над руками.

– Что не так с ними?

– Ты часто напрягаешь их больше, чем надо. Это заметно. Может потому, что слишком стараешься, но движения должны быть более плавными, естественными.

– Слишком стараюсь? Разве суть не в том, чтобы стремиться к совершенству?

Он меня напрочь запутал! Сначала говорит, что как балерина я мало что стою, теперь обратное. Заставляет работать на износ, а сейчас заявляет, что нужно меньше стараний!

– Суть в том, чтобы танец шел отсюда, а не отсюда. – Он указал на сердце, потом коснулся головы. – Чтобы в том, что ты делаешь на сцене, присутствовала жизнь. Делая шаг, ты думаешь о том, чтобы сделать его правильно и не упасть?

– Нет, – вынуждена была признать я, догадываясь, к чему он клонит.

– Так и с танцем. Как только ты начинаешь бояться провала, ничего не выходит.

Вау! Вау и еще раз вау! Нет, дело было не в его словах – хотя в них и был здравый смысл. Дело было в его лице, в его эмоциях. Я впервые видела столько выражения в нем!

– Может быть, я действительно боюсь. – Я развела руками. – Мне двадцать шесть – возможно это мой последний

шанс стать не просто лицом из массовки. Знаю, что в любой другой сфере двадцать шесть – не возраст. Но сколько мне осталось танцевать? Десять лет? Пятнадцать, если очень повезет? У меня нет права на ошибку. – Я покачала головой, в этот момент, представ перед ним – человеком, которого боялась, – в своем самом уязвимом виде.

Казалось, Дэниел над чем-то задумался. Я видела и чувствовала, как внутри него идет некая борьба. Мне было любопытно, о чем он думает, и внимательно наблюдала за ним.

Наконец-то он нарушил молчание:

– Ты все еще занимаешься по выходным?

Я с настороженностью кивнула.

– В субботу, с двух до четырех. Я буду давать тебе частные уроки.

Мне показалось, что он раскаялся в своих словах, еще недоговорив, но была так поражена, что не придала этому значения.

– Что? – Я не удержалась и уставилась на него с разинутым ртом.

– Все, что ты слышала. И Микаэлла – не разочаруй меня.

– Вчера не очень хорошо получилось. Извини.

Я не сразу поняла, о чем говорит Джун, потому что, признаться, слышала ее не очень внимательно. Со вчерашнего вечера все мои мысли занимал Дэниел и его предложение. Точнее его скрытые мотивы. Если они были.

Я не была уверена, но мне хотелось думать, что за ним не стояло ничего кроме искреннего желания помочь. Полагаю, если такой человек, как Дэниел Райерс делает подобное предложение, это значит, что он разглядел во мне что-то. Что-то ценное, чему следовало уделить свое время.

Я испытывала волнение по этому поводу, и не могла дождаться наших индивидуальных занятий, потому что уверена – они поднимут меня на уровень выше. А я никогда не упускала возможности научиться чему-нибудь новому.

– А, да не волнуйся. – Я отмахнулась, отправив в рот ложку мюсли, политые низкокалорийным йогуртом. – Я не растаяла.

Хоть вчера я и сердилась на Джун, когда оказалась под дождем без возможности попасть домой, теперь даже радовалась, учитывая, как все сложилось после. Но я не рассказывала ей, как провела те часы, и не упомянула вмешательство Дэниела. Я и сама не до конца понимала, отчего мне не хочется говорить об этом подруге.

– Правда? Потому что я здорово переживала.

Джун заулыбалась с облегчением, и я еще раз заверила ее, что не стоит. Скоро подруга убежала – у нее были дела перед репетицией, а я использовала свободное время, чтобы в очередной раз просмотреть видео постановки Дэниела, впитывая в себя каждое движение актеров; каждый элемент танца.

Я дождаться не могла, когда сегодня приду в театр и увижу его.

– Микаэлла?

Я обернулась, услышав, как кто-то зовет меня по имени, и к своему удивлению обнаружила, что это Хамфри Старк.

Продюсер шел ко мне своим широким, бодрым шагом, несмотря на то, что был не первой молодости и не самой изящной комплекции.

На его лице светилась приветливая улыбка. Казалось, он искренне рад встретить меня.

– Добрый день, мистер Старк.

Я изобразила ответную улыбку, не выдавая своего нетерпения – мне не хотелось опаздывать, хотя в запасе и оставалось пятнадцать минут.

– Хамфри, дорогая. – Он взял меня за руку, накрыв ее обеими ладонями. Это был теплый, довольно невинный жест – но мне все равно стало как-то некомфортно.

Конечно, я и не подумала о том, чтобы отнять руку.

– Когда молодая, красивая девушка зовет меня «мистер Старк», я начинаю чувствовать себя стариком.

Его живые, темные глаза сверкнули лукавым огоньком. Я пробормотала подобающему такому случаю возражение, хотя подозревала, что он мне в отцы годится.

– Сегодня я решил поприсутствовать на репетиции. Хочу посмотреть, как продвигаются дела.

Он, наконец-то выпустил мою руку, но все равно оставался в зоне моего комфорта. Определенно, мистер Старк не

совсем ровно дышал к моей персоне.

Только этого мне не хватало.

– Мистер Райерс настоящий профессионал своего дела и мастерски ведет всю труппу.

Мои слова прозвучали несколько пафосно, но мне захотелось похвалить его. Хотя, безусловно, Дэниел Райерс в моей похвале не нуждался.

И как раз когда я упомянула нашего хореографа, он, собственной персоной показался на лестнице, ведущей в холл, где мы стояли.

– А-а, Дэниел, мы как раз говорили о тебе! – увидев Райерса, заявил Хамфри Старк. – Микаэлла очень хорошо отзывается о тебе. Я рад, что вы сработались.

Я почувствовала, что начинаю краснеть. Глаза Дэниела чуть сузились, но в остальном он ничем не выдал своей реакции на слова продюсера.

– Как оказалось, Микаэлла очень талантливая и трудолюбивая девушка, – в своей суховатой манере ответил мужчина, и невозможно было понять, серьезен он, или это всего лишь насмешка.

Если подтекст и был в его словах, Хамфри его не уловил.

– Согласен.

Он посмотрел на меня, задержав взгляд чуть дольше, чем следовало. Мне стало совсем неудобно. Я не хотела, чтобы подозрения Дэниела на мой счет и Старка вернулись. Особенно сейчас, когда между нами все стало налаживаться.

– Ну, не буду тебя больше задерживать.

И с этим продюсер удалился, оставив нас с Дэниелом в неловком молчании. Неловко было только мне, Дэниел же был просто угрюмым. Я не знала, был ли он уже в плохом настроении, или наша встреча повлияла на него так.

Мне казалось, я должна что-то сказать по поводу того, свидетелем чего он стал, но мужчина опередил меня:

– У тебя осталось мало времени. Иди, готовься.

И он ушел, явно не в настроении для разговоров.

Как я и подозревала, любезности Хамфри Старка не прошли даром. Дэниел не особо демонстрировал свое недовольство мной, но это чувствовалось. Появившееся было потепление с его стороны ко мне, исчезло. Я не хотела, чтобы мы вернулись к тому, с чего начинали. А еще меня беспокоило то, что теперь его предложение окажется недействительным. Я ждала этих занятий. Можно сказать, даже жаждала их.

Дэниел просил не разочаровывать его. Выходит, я сделала это всего лишь несколько часов спустя?

Я не могла поговорить с ним, пока все не разошлись, а потом и самого Дэниела не оказалось в театре. С досадой поняла, что упустила его. Но для удостоверения решила проверить на парковке для сотрудников – его авто стояло на месте.

Значит, он был где-то поблизости. Я не собиралась уходить домой, пока не найду и не поговорю с ним.

Я вошла в «Ботинок» и тут же заметила Дэниела у барной стойки. Он сидел спиной ко мне и не мог меня видеть, поэтому у меня была возможность уйти прямо сейчас.

Это и стало моим порывом. Я отступила, готовая сбежать, но замерла в нерешительности.

Сегодня днем произошло недоразумение. Я видела, о чем подумал Дэниел и какие выводы он сделал, хотя мне ничего и не сказал. Да ему и не надо было, я все поняла по его взгляду. Это и не удивительно. Я даже не могла винить его, ведь ситуация и правда вышла неоднозначной.

Мне не хотелось, чтобы он думал, будто между мной и продюсером постановки что-то есть, и именно поэтому я должна была подойти к нему и сказать об этом, а не сбежать. Не после того, как он позволил мне пусть немного, но заглянуть в ту часть его жизни, куда, как я была уверена, он немногих пускал. И не после того, как предложил мне свою помощь.

Я просто обязана была внести ясность. Иначе ничего не получится.

Чем ближе я подходила к бару, тем отчетливей ощущалось прохладное волнение у меня на позвоночнике. Мои сильные, натренированные ноги вдруг ослабели и не желали повиноваться. И я только надеялась, что мой голос не будет предательски дрожать, когда я заговорю с ним.

В баре было немногочисленно и место рядом с Дэниелом оказалось незанятым. Хорошо – трудно было бы объяснять ему,

что я не сплю с мистером Старком, если бы у нас были слушатели.

Я встала рядом с ним, но вдруг поняла, что не знаю, с чего начать, и первые секунды молчала, лихорадочно ища слова.

Конечно, Дэниел заметил мое присутствие. Он слегка повернул голову в мою сторону – и это была вся его реакция на меня. Более не удостоив меня вниманием, вернулся в свое положение – а именно смотрел перед собой, удерживая в руке стакан с янтарной жидкостью.

Понятно, я в немилости. И мне это не показалось.

– Сегодня случилось кое-что, что ты мог принять как-то превратно, – глубоко втянув в себя воздух, начала я. Я даже не подумала обратиться к нему иначе – хотя в театре он по-прежнему был исключительно «мистер Райерс». Он не подал виду, что мои слова его заинтересовали, или что он меня слушает, поэтому я продолжила: – Между мной и Хамфри Старком нет ничего, о чем ты мог подумать сегодня днем. И не только сегодня, – тише добавила я, памятуя о его ранних выводах.

Я внимательно наблюдала за профилем Дэниела и видела, как напряглась его челюсть, когда он поднес стакан ко рту и сделал короткий глоток, все еще не глядя на меня и не признавая мое присутствие. Но он хотя бы слушал.

– Это правда. Дэниел, – его имя едва слышным шепотом сорвалось с моих губ, и моя рука даже потянулась к нему, но я вовремя одумалась и не прикоснулась к нему – как мне

показалось, теперь уже все его тело пришло в напряжение.

Он испугался, что я коснусь его, или в чем дело?

Это было бы непозволительной ошибкой. Я интуитивно чувствовала, что он не тот человек, с которым можно позволить подобную небрежность.

Я начала испытывать отчаянье, потому что он мне не верил, а я не могла – просто не могла допустить, чтобы он думал иначе! Чтобы верил тому, чего не было на самом деле.

– Черт! Это так сложно – допустить, что актриса не трахается с богатеньким продюсером ради привилегий?! – Задетая полнейшим игнорированием с его стороны и моими тщетными попытками воззвать к голосу разума, не выдержала я.

Не сразу, но он все же повернул голову ко мне и посмотрел на меня продолжительным, ничего не выражающим взглядом.

Да уж, он это умел. Мне тут же захотелось, чтобы в полу была дырка, в которую я могу нырнуть.

– Для чего ты говоришь мне все это?

Обычно его голос и так не звучал особой теплотой, но сейчас он был не просто холодным, а сухим и острым от низкой температуры. Меня будто царапнули.

– Потому что... потому что я не хочу, чтобы ты думал о том, чего нет, – запнувшись всего раз, пробормотала я.

– А какое мне до этого дело, Микаэлла? – Он едва заметно повел плечом, оставаясь совершенно беспристрастным. – Не

утруждай себя оправданиями передо мной. Это лишнее.

Несмотря на его задевающие слова, и его сдержанность – я чувствовала, просто где-то глубоко была уверена, что он злился. Дэниел был из тех людей, которые могли хорошо это скрывать. Хотя, я могла и ошибаться, и всего лишь выдавать желаемое за действительное.

Может быть, ему на самом деле было плевать.

Вот от этого было горше всего. Но я не хотела, чтобы он это понял. Не хотела, чтобы видел, как уязвляют меня его слова. Как его непробиваемость действует на меня.

Ничего не ответив, я постояла рядом с ним еще несколько секунд, в течение которых он хотя бы не делал вид, что я пустое место, а потом развернулась и ушла, смирившись с поражением.

ДЭНИЕЛ

Я не говорил с Микаэлкой всю неделю, намеренно игнорируя ее, если только это не требовалось во время репетиций. Не раз я повторял себе, что это не мое дело, что отношения Хамфри Старка с актрисами постановки меня не касаются, но суть в том, что я лгал сам себе. Пытался обмануть себя, и злился. Злился на нее, потому что водила меня за нос, изображая обиженную невинность. Злился, потому что поверил и дрогнул перед ней, когда увидел, как истязает себя в зале; смягчился, когда рассказывала о своей мечте танцевать, сидя на моей кухне.

И как не желал этого, что-то во мне откликнулось на нее. А потом увидел, как Старк на нее смотрит – хитро так, будто знает некую тайну – и все внутри вскипело. Если он еще не трахал ее, то это дело недалекого будущего.

Мне не хотелось ввязываться в это дерьмо, особенно если она сама его поощряет. Ее уверения в пабе, в том, что между ними ничего нет, заставили меня усомниться, но это охладило меня. Я погорячился, когда предложил ей индивидуальные занятия. Правда так и не сказал, что отзываю свое предложение. Каждый день собирался, но так и не сделал этого, а она не спросила.

Меня это из себя выводило, но я продолжал думать об

этом даже в субботу утром. Почему не могу просто выбросить ее из головы, понять не мог.

Если она не идиотка, и так поймет, что все отменяется. Но я упорно возвращался к тому, что возможно следовало предупредить ее.

В полнейшем раздражении на себя я отправился в свой спортивный клуб, планируя посвятить тренировкам часы, которые должен был провести с Микаэлкой. И только когда стрелка часов достигла начала пятого, я позволил себе закончить с отжиманиями и отправиться домой.

Оставив машину на своем парковочном месте, на лифте поднялся на свой этаж, где застал ожидающую меня Микаэлку. Было похоже на то, что она уже давно здесь, нетерпеливо вышагивала перед дверью моей квартиры.

Такого поворота я предположить не мог.

– Не знаю, как это делается в Америке, но здесь, в Англии, когда тебе говорят, что придут, то приходят, а если не получается, то предупреждают об этом! – без предисловий с возмущением накинулась на меня девушка.

Я даже обомлел на мгновение. А ведь она была права – ее негодование было справедливым.

– Ты ждала меня? – не найдя ничего лучше, спросил я.

Она развела руками – мол, «конечно!»

– Думал, ты поняла, что все отменяется. – Я нахмурился, не желая показывать, что и сам считаю себя виноватым.

Только этого мне не хватало – заискивать перед этой дев-

чонкой, как провинившийся мальчишка!

– Очевидно, что нет. И если ты передумал – твое право, хотя мне и жаль. Но я два часа ждала тебя в том зале! – Она ближе подступила ко мне, распалившись еще больше. На ее лице играл румянец, глаза сверкали праведным гневом – такая хрупкая и такая воинственная.

Я на самом деле почувствовал, что подвел ее.

– Я могу не нравиться тебе, но ты должен уважать меня!
И я не прошу об этом, я требую! Нельзя так пост...

– Извини.

Я прервал поток ее красноречия, беспокоясь, что она никогда не заткнется. И она это сделала – умолкла, от неожиданности хлопая ресницами, с комично раскрытым ртом.

Мне захотелось улыбнуться.

– Что ты сейчас сказал?

– Я не буду повторять этого дважды. – Я покачал головой – пусть и не надеется. – Ты права – мне следовало предупредить тебя.

Губы Микаэллы дрогнули в улыбке, но почти тут же печально опустились. Мне стало любопытно, что стало тому причиной.

– Ты передумал из-за Хамфри Старка? Все еще думаешь, что у меня с ним интрижка?

Я ответил ей примерно то же, что и тем вечером в пабе, но постарался смягчить свой ответ.

– Это на самом деле не мое дело. Ты талантливая танцов-

щица, я признаю это. И тебе совсем не обязательно дополнительные занятия.

Я видел, что она не особо поверила мне. В том, что я сказал про нее, не было лжи. Но не потому я не хотел заниматься с ней один на один.

Это было бы слишком похоже на прошлый опыт. А я обещал себе, что больше не повторю подобной ошибки.

– Хорошо. Ладно. Я поняла.

Микаэлла закивала, потом опустила голову и – черт, я испугался, что она сейчас расплечется. Я никогда не знал, что делать с рыдающими девицами. Терпеть не мог этого, а потому часто грубил, что, конечно же, только ухудшало положение.

Она была расстроена, и я не хотел усугублять ситуацию, но если она сейчас пустит слезы, я могу не выдержать.

– Ты в порядке?

Чувствовал я себя полным идиотом, оказавшись в ситуации, подобной этой. Меньше всего мне хотелось возиться с этой девчонкой, или кем-либо еще. Я не хотел проявлять участия, и я никогда этого не делал, потому что тогда люди становились навязчивыми, желая поделиться тем, что лежало у них на душе.

Дистанция – вот что меня устраивало. Я не причислял себя к ряду тех, кто всегда готов выслушать или помочь советом. Мне всегда неплохо удавалось избегать этого, ведь люди не особенно стремились идти со мной на контакт. Меня

это полностью устраивало.

Но с Микаэлкой все пошло не так, как обычно. И меня это не радовало.

– Да, в порядке.

Она подняла голову, и я испытал облегчение – она не плакала и похоже, что не собиралась.

– Просто это такой отстой! – внезапно девушка усмехнулась, но невесело, с какой-то печальной иронией. – Вот работаешь годами, дни напролет загоняя себя у станка. С детства, пока твои подружки играю в куклы, а ты разучиваешь фуэте и плие. Потом когда бегают на свидания, а ты боишься съесть рожок мороженого, чтобы вдруг не растолстеть, иначе твой партнер тебя может уронить. Бегаешь на прослушивания, не спишь ночами, волнуясь из-за роли, которую чаще всего не получаешь, глотаешь таблетки, когда все связки горят от боли. И потом, когда кажется, что наконец-то получила награду за все свои старания, тебе говорят, что – нет, это не более чем заслуга того, что находится у тебя между ног.

Я не знал, что ей на это ответить, но ее тирада лишь усилила мое чувство вины. Более того, ей удалось меня смутить, что было совсем уж странно.

Я видел, что она смотрит на меня не так, как прежде. С разочарованием. Да, это было именно оно. Я всегда безошибочно узнаю этот взгляд – отец почти всегда только так на меня и смотрел.

– Микаэлла, если я ошибся, то...

– Не надо! – Она выставила руку, останавливая меня. – Мне не нужны твои драгоценные извинения, особенно если они вынужденные. – Пожав плечами, она направилась к лифту. – Я не хотела беспокоить тебя дома, просто думала... правда думала, что получится что-то хорошее, когда ты предложил свою помощь. Решила даже, что мне повезло. – Она покачала головой, так, будто смеясь над собой, и вызвала лифт.

Я стоял и смотрел, как она собирается уйти, как входит в кабину, и наконец, уезжает, и все это время – недолгое, но почему-то растянувшееся для меня, – думал, что должен ее остановить. Должен что-то сделать, что-то сказать.

Я не понимал только, почему должен делать это и откуда взялся этот порыв. Не видел на это никакой причины – она была не более чем одна из многочисленной труппы.

Да, талантливая, но за свою карьеру я видел много одаренных танцоров. Кто-то был менее способным, кто-то больше.

Она не была лучшей, определенно нет. Ошибалась, иногда чаще, чем необходимо, выводила меня из себя, потому что я знал – она способна на большее.

Может быть, дело было в этом? Я чувствовал, уверен был, что могу вылепить из нее нечто прекрасное, неподражаемое. Уникальное. Что-то, от чего у зрителей будет захватывать дух, глядя на нее.

Я не остановил ее, позволив уйти. Но в тот день больше ни о чем думать не мог.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МИКА

Леди Гага запела свой *Bad Romance*, а я взяла коктейль, переданный мне заботливой рукой Уэсли.

– Двадцать пять. Четверть века. Я чувствую себя древней.

Уже порядком захмелевшая Джун состроила несчастное лицо, после чего залпом опрокинула остатки своего «буравчика».

Вечером в пятницу мы устроили небольшую праздничную вечеринку в ее честь. Пришли ребята из труппы и некоторые из ее друзей. Размеры нашей квартиры не позволяли особые маневры, но погода была благосклонна к нам и мы смогли расположиться под открытым небом. Правда я побаивалась, что наш балкон попросту не выдержит такого количества людей.

– Заткнись. – Алкоголь и паршивое настроение сделали меня бесчувственной. – Радуйся, что тебе только двадцать пять.

– Для нашей индустрии это почти что пенсия, – фыркнула Джун.

Она утрировала, но здоровое зерно в ее словах имелось. Я и сама была в небольшом унынии из-за приближающегося

двадцатисемилетия.

– Вот тебе, Уэсли, сколько лет? – Джун ткнула пальцем в грудь парню, при этом сильно накренившись.

– Двадцать два, – почти виновато ответил тот.

– Скинуть бы тебя с балкона, – проворчала соседка, разворачиваясь и уходя.

– За что это? – удивленно хохотнул Уэсли.

– Да не обращай внимания. – Я махнула рукой, облокотившись о каменное ограждение. – Она просто психует из-за дня рождения. Мы все психуем, когда становимся старше.

Я почувствовала, как на меня наваливается тоска и глотнула водки с тоником – похоже это единственное, что скрасит мой сегодняшний вечер.

– Я тебе давно уже сказать хотел... – начал Уэсли и вдруг замялся, смущенно улыбнувшись.

Я посмотрела на него с интересом – ничего себе, я ему никак нравлюсь?! Раньше я как-то не обращала на него внимания, а стоило бы. Он был хорош собой, высокий, сложен отменно – что вполне естественно. Глаза ярко-голубые, открытый, бесхитростный взгляд. А волосы – что-то на грани каштанового и рыжеватого.

Не парень, а картинка.

– Что?

Я ближе придвинулась к нему, давая понять, что он может быть откровенным со мной.

– Я восхищаюсь тобой, тем, что ты делаешь на сцене! –

волнуясь, выпалил он.

Я польщенно заулыбалась – всегда приятно, когда хвалят твой талант.

– Правда?

Уэсли кивнул. Мы еще ближе придвинулись друг к другу, и мне показалось, что сейчас он поцелует меня.

– А еще я считаю, что ты очень красивая, – уже тише про-
бормотал парень, после чего, как я и ожидала, последовал поцелуй.

Губы у Уэсли были мягкие, сначала немного неуверенно скользили по моим губам, но прижавшись к нему всем телом, я поощрила его действовать без опаски.

Я поняла, как соскучилась по поцелуям, близости с другим живым существом и дело было даже не в сексе. Мне не хватало тепла, прикосновений, ярких ощущений.

Конечно, я получала все это сполна, когда танцевала, но после возвращалась домой, где меня никто не ждал. Ничего не оставалось кроме пустоты.

Сегодня я не хотела быть одна. Я устала от этого состояния. Все чаще ловила себя на мысли, что жалею себя. И мне это не нравилось.

Поэтому этим вечером не будет никакой жалости, никакого одиночества.

Я взяла Уэсли за руку и повела в свою комнату.

– Что случилось?

Дэниел опустилсЯ передо мной с тревогой на суровом лице, а я быстро смахнула слезы со щек. Было чертовски больно, хотя боль уже давно стала чем-то привычным.

– Ничего, – хрипло прозвучал мой голос.

Я сидела на полу репетиционного зала, роняя слезы, поэтому мои слова не выглядели убедительными.

Дэниел бросил короткий, неодобрительный взгляд на меня, и принялся развязывать пуант на левой ноге, которую я повредила.

Я попыталась помешать ему.

– Прекрати! – строго приструнил он, и мне пришлось уступить.

Мои ноги были уродливыми. Я знаю, что уж он-то перевидал многое – ноги балерины не самое эстетическое зрелище, но едва ли он будет шокирован, и все равно не желала, чтобы он их видел.

Я закусила губу, пока он снимал белый вкладыш, успевший напитаться кровью.

– Черт.

До меня донеслось тихое ругательство, больше похожее на бормотание под нос и опасно покосилась вниз. Ноготь на большом пальце треснул, и из раны сочилась кровь.

И правда – черт!

– В кабинете есть аптечка.

– Что ты здесь делаешь? – Меня этот вопрос интересовал больше, чем сломанный ноготь. К тому же это помогало от-

влекаться от боли.

На лице мужчины отразилась досада – отвечать ему не хотелось. Но я поняла, почему он был здесь, и это вызвало у меня улыбку.

– Ты пришел, потому что думал, что я буду здесь?

– Возможно, – скупно обронил Дэниел.

– Я уверена, что права. – Теперь уже я улыбалась во весь рот, почти забыв о боли.

– Идти можешь?

Он помог мне подняться, и, ступив на пострадавшую ногу, я невольно ойкнула.

– Что ты делаешь? – испуганно спросила я, когда Дэниел подхватил меня на руки и понес к выходу.

– Так будет быстрее. Я не хочу, чтобы ты плелась по коридору, истекая кровью, – сухо отозвался он, при этом не выглядя счастливым от возложенного на него бремени.

А я вдруг поняла, что это очень приятно – находится в его руках: сильных и теплых. На самом деле он был даже горячим, что удивительно, так как он создает впечатление холоднокровного.

– Это было вовсе не обязательно, – пробормотала я, правда без особого рвения.

Дэниел промолчал, а я обхватила его шею руками – исключительно, чтобы нам было удобно.

Ладно, признание: оказывается, на руках Дэниела Райерса было не просто «приятно». Это было так хорошо и вол-

нительно, и толкало меня на разные откровенные и совсем неприличные фантазии. Оставалось только надеяться, что он не обладал способностью читать мысли. Иначе бы узнал много нового о том, как именно я представляла нас двоих в этот самый момент.

Дэниел занес меня в свой кабинет и усадил на диван, а сам скрылся в смежной комнате, но вернулся почти сразу, держа в руках аптечку.

Похоже, у него и личная ванная тут имелась.

– Почему ты передумал? – спросила я, старательно гоня от себя недозволенные, неуместные мысли.

Мужчина сел, положил мою ногу к себе на колени и вынул из аптечки антисептик.

– Твое красноречие меня убедило, – не глядя на меня, ответил он.

Я поморщилась – было больно.

– Мои слова подействовали на тебя? – Я не могла скрыть веселого недоверия.

– Возможно.

Он обернул мой палец пластырем и только тогда посмотрел на меня.

– Слишком много «возможно» для одного дня, – заметила я.

Он улыбнулся, пожав плечом, как бы говоря: «Да, возможно ты права».

– Боже, у меня сейчас сердце остановится – он все же улы-

бается! Это как встретить Снежного человека или Пасхального кролика!

Я шутила, за весельем пытаюсь скрыть, что его улыбка на самом деле поразила меня. Мое сердце разогналось от трепета и волнения, потому что его улыбка была тем еще зрелищем. Черты его лица смягчились и на мгновения я будто совсем другого человека увидела. Мне захотелось сказать: «Привет, я Мика. Я хочу узнать тебя поближе».

Мне хотелось попросить улыбнуться его еще раз. Никогда не переставать этого делать.

– Как для того, кто только что получил травму, ты очень довольная.

Сказано это было вполне добродушно, что мало вязалось со знакомым мне Дэниелом.

А еще – моя нога все еще была на его коленях.

Его коленях! Ноги у Дэниела заслуживали отдельного внимания.

Озабоченная девчонка внутри меня завизжала придурочным голосом, когда я опустила глаза вниз, проследив взглядом от места, где покоилась моя ступня и до того, где сводились его бедра.

– Тебе нужен отдых. Возьми больничный, пока не зажиет, – вернув себе деловой тон, Дэниел осторожно переложил мою ногу на диванную подушку, а сам поднялся.

Похоже, он догадался о моих помыслах с участием его ног. И не только.

– Но тогда я пропущу репетиции, а наш руководитель очень строгий тип, – попыталась вернуть непринужденную атмосферу я.

– Это не предложение, Микаэлла, а приказ.

Он выглядел более чем серьезно.

Я смиренно вздохнула.

– Как скажешь. Если пообещаешь мне кое-что.

Он в недоверии изогнул брови, скрестив руки на широкой груди.

– Ты ставишь мне условия? Помнишь, кто тут главный?

– Разве ты позволишь об этом забыть? – съехидничала я. – Я просто хочу, чтобы ты дал мне индивидуальное занятие, когда я поправлюсь.

Дэниел молчал.

– Ты ведь для этого сегодня приехал! И если бы не моя неудача, мы бы это сделали!

Я старалась не акцентировать внимание на фразе «мы бы это сделали». Уж слишком многое могло стоять за ней.

– Твои ноги и так в кровавых мозолях. Ты дошла до фанатизма.

Я одарила его скептическим взглядом.

– Тогда помоги мне, – набравшись наглости, сказала я. – Я знаю, что ошибаюсь, а ты можешь это исправить. Одно занятие. Всего одно!

Дэниел раздумывал, а я ждала, затаив дыхание.

– Хорошо, но только когда ты сможешь работать без ущер-

ба для здоровья, – наконец-то согласился он.

Я быстро закивала, обрадованная таким поворотом.

Надеялась только, что он больше не включит заднюю.

ДЭНИЕЛ

– Почему ты променял Нью-Йорк на Лондон? – отдышавшись, спросила Микаэлла, когда я объявил перерыв.

Я уже успел заметить, что она бывала довольно любопытной. Или может всего лишь проявляла интерес свойственный людям, но я считал это вторжением туда, куда никого не хотел пускать.

Любитель распространяться о своих делах – это не про меня.

– Я не рассматриваю это так, – вяло пожал плечом. – Мне нравится сама идея поработать во всех культурных столицах мира. Если в будущем мне предложит работу в Японии или Китае, я не стану отказываться.

– А я думала, дело в неприлично большой сумме гонорара, который тебе предложили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.